

An impressionistic painting of a village street. The scene is viewed from a low angle, looking down a path that leads towards a building on the right. The path is covered in yellow and orange leaves, suggesting autumn. In the distance, two figures are walking away. To the left, there are green bushes and a glimpse of a blue body of water. The background features dark, rocky mountains under a deep blue sky. The overall style is characterized by visible brushstrokes and a rich, somewhat somber color palette.

Евгения Польшка

ЛЮДЯМ ОЧЕНЬ
НУЖНЫ СТИХИ

(Сло)
вечная

Евгения Польшка

Людям очень нужны стихи

«Издательские решения»

Полька Е.

Людам очень нужны стихи / Е. Полька — «Издательские решения»,

Слишком много носителей информации: флешки, диски, жесткие диски. Объемы больше, цифры точнее. И только один носитель чувств: стихи. О стихах, о чувствах, о людях. Письма в Сибирь и в небо. Совершенно обычное собрание стихов от ничем не примечательного поэта. А не вспомнят, так им же хуже: мы бы стали смешной легендой (с).

© Полька Е.

© Издательские решения

Содержание

О стихах	6
«Людам очень нужны стихи, —...»	6
«Одни говорят: будь проще. Другие – пиши сложнее...»	7
Маэстро	8
Муза	9
О чувствах	11
«Привет тебе, тот, кто его никогда не прочтет...»	11
«И если я постарею телом...»	12
«Я смотрю в отражение этих зеленых глаз...»	13
«Расскажи мне о тех местах, где блуждают цветные тени...»	14
Мне бы...	15
Рогоза	16
«Ты смотришь на мир совершенно иначе...»	17
Я постараюсь медленно	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**Людам очень нужны стихи
(Сло) вечная
Евгения Польшка**

© Евгения Польшка, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

О стихах

«Людам очень нужны стихи, —...»

«Людам очень нужны стихи, —
Старый Бог говорил у пристани. —
Оттого ль Вавилон погиб,
Оттого ль древний Рим не выстоял?

А я клялся им, говорил,
Что в стихах и любовь, и искренность.
Оттого ль прекратился мир?
Оттого ли Гаврило выстрелил?

И когда не хватало сил:
Ни любви, ни добра, ни Бога,
Я прислушаться их просил.
Я им Пушкина слал пророком.

И, закончив едва с игрушками,
В истоках своих путей,
Не люди учили Пушкина.
А Пушкин учил людей.

Людам очень нужны стихи.
Больше хлеба, вина и имиджа.
Под давлением любых стихий
Можно телом упасть, но выдержать.

Когда время ломает правила,
Люди жаждут духовной помощи.
Маяковский – исчадие дьявола.
Только промысел все же Божий он.

И порой нет совсем толку
Ни в кресте, ни в моем имени.
Но зато помогал Теркин.
И учил очень ждать Симонов.

А когда мир тонул в лихих,
Цой им раны прикрыл ладонями.
Людам очень нужны стихи.
Очень жаль, что они не поняли».

«Одни говорят: будь проще. Другие – пиши сложнее...»

Одни говорят: будь проще. Другие – пиши сложнее.
Одни говорят: короче. Другим – лишь бы подлиннее.
А мне бы писать и только. Ловить из вселенной нити.
Творить, обращаясь в Польшку. И коль что не так, простите.

Простите, что где-то зыбко. А где-то метафор мало.
Что стих не родил улыбку, сердца не сковал металлом.
Что где-то ушло от темы. А где-то не вышло ритма.
Что где-то уж слишком смело и тянется, как молитва.

Простите, хотите коли. А коль не хотите – просто
Идите в другое поле. Поверьте, там чище воздух!
Там бабочки да деревья. Там люди и их улыбки.
А я убиваю время: в цитаты ловлю ошибки.

А я нахожусь в покое меж трех и шести по утрам.
Воюю сама с собою – проигрывая как будто.
В ловушке своих иллюзий свое обретаю место.
Сгораю в огне иллюзий. Бросаюсь с разбегу в бездну.

Я не нахожу покою с шести и до трех по ночи.
За маской своих героев, лицо раздирая в клочья,
Теряю себя как личность, в своем растворяясь вечном.

А я не могу публично! А я не толкаю речи.
Я не призываю к битвам. И не создаю каноны.
Не режу сознание бритвой. В стихах не творю иконы.

Живу – как умею – просто. Не жду ни похвал, ни жестов.
И как выдыхают воздух, порой выдыхаю тексты.

Маэстро

Маэстро, хотите чаю? Пирог со слоеным тестом?
А коли судить по чести, то вот она, суть вещей.
Маэстро, я выживаю. Под этим гранитным прессом
Мне все еще интересно по маскам читать людей.

Пусть руки мои неточно рояльную гладь лелеют
И в профиль я будто тлею, хотя и горю в анфас.
Пусть давят на позвоночник привычные «не умею».
Но в сердце моем теплее, когда я играю вальс.

А вы отточили навык, как точат ножи убийцы.
И тянется вереница знакомых до боли ног.
Средь всех этих серых галок вы светите. Вы – жар-птица.
Для вас небеса – граница. Но вам не знаком полет.

Маэстро, хотите чаю? Пирог со слоеным тестом?
И коль говорить по чести, то вот вам прямой ответ.
Маэстро, я выживаю. Под этим гранитным прессом
Мне все еще интересно. А вам, к сожалению, нет.

Муза

Я пыталась поймать руками —
утекала водой сквозь пальцы.
Я на сладкое зазывала —
не желала со мной остаться.

Я кричала, что буду строгой, —
убегала, поджавши хвостик.
Притворилась бы недотрогой.
Да вот только, наверно, поздно...

Мол, другие теперь милее.
«Там теплее и нет скандалов.
В старых замках летают феи,
веет ветер в старинных залах.

Там в межзвездных мирах герои
рвутся в бой и рискуют жизнью.
Ну а ты тут сама с собою.
Все шумишь в бытовухе мышью...»

И какое ей, верно, дело,
этой рыжей и бессердечной,
Что я ночь без нее ревела,
обнимая себя за плечи.
Было страшно одной остаться
и представить себя без музыки.

***

Утекала водой сквозь пальцы,
растворялась в потоке музыки.

***

А однажды вернулась пьяной,
на диване уселась с краю,
Начинала слегка жеманно.
И ревела, и хохотала.
«Я пустилась, — твердит, — по свету,
только крылья взяла и узел.
В мире много других поэтов.

И у каждого есть по музе.

У кого-то их гости редки,
кто-то спит с ними, как с шалавой.
Кто-то держит в железной клетке
(и таких, черт возьми, немало!).
Кто-то ловит у конкурентов,
кто-то продал на барахолке.
Кто-то выменял на агентов,
чтоб поставить себя на полки.

В мире много других поэтов,
и добрее, и много лучше.
Но с тобою атласной лентой
повязал нас навеки случай.
Мы не лучшая, знать, команда.
Но другой породнил нас фактор.
Мы воюем пером за правду:
стерва-муза и мямля-автор.

Штрих по вечности будет тонким,
но останется острым следом.
И, возможно, среди потомков
вспомнят музу с ее поэтом.
Повязали навеки души
белоснежной атласной лентой.

А не вспомнят – так им же хуже.
Мы бы стали смешной легендой».

О чувствах

«Привет тебе, тот, кто его никогда не прочтет...»

Привет тебе, тот, кто его никогда не прочтет.

Пишу тебе это письмо пересохшей гуашью.
Рисую в нем реки, леса, голубой небосвод,
И пашню... представь, бесконечную желтую пашню.

В ее лабиринтах высокой и высохшей ржи
Мы ищем друг друга, должно быть, шестое столетие.
Шестое столетие, где нет ни единой души.
Лишь ветер... представь, бесконечно гуляющий ветер.

Ты слышишь: мы слушаем пение крошечных птиц
И любим друг друга, забыв о прошедшем и прочем.

Ты помнишь росу на изгибах мохнатых ресниц?
А ночи... ты помнишь? Бескрайние темные ночи.

Пишу тебе, тот, кто его никогда не прочтет.
Слезами мочу поврежденные временем краски.
Рисую в нем реки, леса, голубой небосвод,
Напрасно.
Представь, совершенно, до боли
напрасно.

«И если я постарею телом...»

И если я постарею телом,
Люби меня до скончания дней.
Порой неловкой, порой несмелой.
Такой же точно. Иной – не смей.

И если я не смогу подняться,
Гуляй по паркам за нас двоих:
Снимай с цветов потускневший глянец,
Носи мне маки. Всегда носи.

Носи мне чай на цветастом блюде,
Тверди об этих прекрасных днях.

И если я не смогу проснуться,
Навек меня сохрани во снах.

Когда морщины разрежут кожу,
Когда покроет глаза туман.
Люби нарочно, люби такой же,
Люби всецело.
И я воздам.

«Я смотрю в отражение этих зеленых глаз...»

Я смотрю в отражение этих зеленых глаз
И не вижу там Землю, пробки, парад машин.

Там лишь чистое небо, космос и ренессанс.
Там старинные замки смотрят на нас с вершин.
Там старинные духи пляшут под «Роллинг Стоунз»,
А потом переходят плавно на «Твист энд Шат».

Там весь мир необычный, красочный и простой.
Там легко веселиться, плакаться
и прощать.

Там есть я, разодетая в платье из тополей.
И есть он, догорающий в небе большой свечой.
И когда он себя потеряет в святом огне,
То воротится птицею феникс на плечо.

Я смотрю в отражение этих зеленых глаз
И читаю в них целый новый волшебный мир.
Там есть чистое небо, космос и ренессанс.
И есть я,
навсегда оставшаяся лишь с ним.

«Расскажи мне о тех местах, где блуждают цветные тени...»

Расскажи мне о тех местах, где блуждают цветные тени,
Где на злате лежит дракон, охлаждая тугой живот.
Где поют королям в ночи морем свергнутые сирены,
А в чащобе лесной колдун с золотой бородой живет.

Расскажи мне о тех местах, где нет зоны вайфай.
И роуминг
Не мешает читать стихи переплатами по часам.
Расскажи мне о тех местах, что, наверно, не каждый
помнит.
Потому что, я вижу, в ночь ты все время блуждаешь там.

Там тебе открывает дверь королева в нарядном платье.
И лицо ее – не мое. А красивее в сотни раз.
И она, вопреки всему, заключает тебя в объятия.
На лопатке блестит луна...

И, наверно, уж в сотый раз

Ты лежишь на моем плече и спокойно и ровно дышишь.
В тесной комнате три на пять в свете люминесцентных
ламп.
А в твоей голове ветра воют марши в траве камышной.
Королева и светлый двор. И меня не бывает там.

Расскажи мне о тех местах, куда ты не даешь мне визу,
Про темницу, где ты ее прячешь только себе во сласть.
Расскажи мне в последний раз и прости за мои капризы.
Просто страшно, что есть места, куда мне не дано попасть.

Мне бы...

Мне летать бы с тобой во снах – до скончания дней.
Мне ловить бы твои слова на крючок ушей.
Да за плечи тебя держать до чужой весны
И в церквях утопать опять, чтобы Бог простил.

Мне б увидеть твою печать сквозь оковы лет,
Мне б коросты с ресниц содрать, отправляясь в свет.
И поглаживать чуть рукой твой тончайший шелк.
Мне бы вечность прожить с тобой. А потом еще.

Мне бы жить! Да дышать! Да петь! Да все ждать тебя.
Не бояться старуху-смерть, как теперь дождя.
Мне бы в прошлом оставить след и душевный хлам.
Убежать бы с тобой в рассвет. И остаться там.

Мне бы много бы от тебя – да совсем чуть-чуть.
Лишь бы дымом от табака да сквозь ребра в грудь.
Кораблем по волнам души да слезой со щек.
Мне бы вечность с тобой прожить. А потом еще.

Рогоза

Рогоза не растет на святой земле,
Привлекает ее лишь болота гниль.

В эту ночь он опять приходил ко мне
И опять о печалях своих твердил.
Он твердил, что готов обрести причал
И расставить по полкам своих чертей.
Он кричал, задышался и вновь кричал.

В моем доме ночуя, он был ничей.

Он дарил мне букеты из рогозы,
Презирая азалий тщеславный род.
До крови зажимая клыком язык,
Он твердил, задыхаясь, что все пройдет.

А потом засыпал, прижимаясь лбом
К еле теплой печи. И ресниц крыла
Под стрекочущим, еле живым огнем
Чуть дрожали, как старая рогоза.

Я смотрела, как тает его печаль.
И, казалось, я будто смогла помочь
Обрести ему смысл и найти причал...

А потом он опять убирался прочь.

Он был вором, убийцей и подлецом,
Осужденным навеки блуждать впотьмах.
Только что-то скрывало его лицо,
И раскаянье тлело в стальных глазах.

Я лечила ранения рогозой
После стрел правосудия в животе.
Я хотела отправить его домой,
А потом осознала, что он ничей.

«Почему ты верна остаешься мне?» —
Поутру он однажды меня спросил.

«Рогоза не растет на святой земле.
Привлекает ее лишь болота гниль».

«Ты смотришь на мир совершенно иначе...»

Ты смотришь на мир совершенно иначе,
Пуская его сквозь замерзшие пальцы.
Как мокрый комочек, кошаче-незрячий,
О помощи молишь прохожих скитальцев.

Мяучишь. Так жалобно. В самое сердце.
И тычешься носом в холодные души.
Ты ждешь одного: чтобы дали согреться
На чьей-то груди, самой искренне-лучшей.

Ты смотришь на мир совершенно иначе:
Наивно. Без стекол печально-тревожных.
Мне так тебя жаль. Ты такой настоящий.
А значит, навек
обречен прослыть
ложным.

Я постараюсь медленно

Мы с декадансом ныне на брудершафт.
Все, что осталось, – этот последний шаг.
Я постараюсь медленно. Не спеша.

Дай ускоренье.
Или же
не мешай.

В этом саду давно не растут цветы.
Помнишь, когда-то бабочки на листьях?

После, напившись, жгли за собой мосты.
После жалели, жадно вдыхали прах.

После лежали с предками под землей.
Но просыпались, жадно глотали жизнь.

Помнишь?
Ловили небо худой рукой
И выбирали ложные виражи.

Помнишь, кололи иглы в сплетенье вен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.